

А.Г. Минченков

ОБЪЕКТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

В данной статье ставится задача показать, что выбор в качестве объекта перевода формальной языковой единицы того или иного уровня неизбежно создает проблемы при решении вопроса о переводимости и, рассмотрев процесс перевода в русле когнитивной лингвистики, предложить альтернативный подход, в соответствии с которым объектом перевода должен быть признан концепт.

Перевод развился естественным образом в процессе человеческой деятельности. Он возник в ответ на постоянно существовавшую потребность в межкультурном общении. В наши дни постоянно выполняется огромное количество письменных и устных переводов с самых разнообразных языков, что со всей очевидностью доказывает практическую возможность перевода. При этом, однако, очевидно и то, что перевод сопряжен с определенными сложностями и ограничениями, и эти сложности и ограничения возникают вне зависимости от вида перевода. Нередко можно услышать или прочесть, например, о существовании в том или ином языке трудно переводимых или вообще непереводаемых единиц. Подобные мнения особенно часто высказываются в отношении так называемых культурно специфических слов и терминов, таких, как русские *душа* и *тоска* или английские *privacy* и *community*¹.

Переводчики-практики достаточно часто сталкиваются с ситуацией, когда ту или иную единицу исходного языка невозможно перевести известными и закреплёнными в двуязычных словарях соответствиями в языке перевода или исходный текст «не ложится» на язык перевода. Теоретики перевода нередко пишут, что при переводе всегда возможны искажения и потери значения². А.Нойберг и Г.Шрив объясняют это тем, что исходный текст изначально существует в своем сложном лингвистическом и культурном контексте, а переводчик извлекает его из этого естественного для него контекста и воссоздает в чужом лингвистическом и культурном окружении. Соответственно перевод, по их мнению, является еще и неестественным видом деятельности³. Л.Венути вообще считает, что перевод сродни терроризму, поскольку он вульгаризирует исходный текст и исключает исходную культуру⁴.

На самом деле, представление об уникальном характере созданного на определенном языке текста и неизбежных потерях при переводе этого текста на другой, чужой язык имеет достаточно давнюю историю. Мысль о том, что текст уникален или даже непереводаем, несмотря на практическую возможность его перевода, можно наблюдать еще в трудах В.фон Гумбольдта. Известный своими взглядами на язык как на выражение особого духа народа В.фон Гумбольдт подчеркивал уникальность и своеобразие каждого языка, равно как и созданных на этом языке произведений. По его мнению, такие произведения, как Агамемнон Эсхила, носят уникальный характер и соответственно непереводаемы в том смысле, что их перевод будет неизбежно отличаться от подлинника⁵. Несмотря на это, сам Гумбольдт перевел Агамемнона на немецкий язык, отметив во введении к своему переводу,

что непереводаемость произведения означает не то, что его не надо переводить, а то, что перевод принципиально не может быть эквивалентен подлиннику⁶.

Следует сказать, что, признавая сложности и неизбежные потери в процессе перевода, большинство современных теоретиков не склонны считать, что неизбежные отличия между текстом перевода и подлинником позволяют говорить о непереводаемости последнего, и предпочитают утверждать о неполной или ограниченной переводаемости⁷. В отличие от Гумбольдта, который писал, что ни одно слово какого-либо языка не может быть полностью эквивалентно слову другого языка, что чем больше переводчик пытается копировать подлинник, тем дальше он отходит от него⁸, современная теория перевода в лице подавляющего большинства ее представителей связывает переводаемость именно с возможностью эквивалентных отношений между единицами разных языков на основе их значения и основным критерием оценки качества перевода считает его максимальное соответствие подлиннику.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на то, как разные исследователи определяют перевод. Для основателя отечественной лингвистической теории перевода А.В.Федорова полноценность перевода означает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему»⁹. Дж. Кэтфорд считает перевод заменой текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке¹⁰. Дж. Хаус определяет перевод как «замену текста на исходном языке семантически и прагматически эквивалентным текстом на языке перевода»¹¹. В одной из недавних общих работ по переводу, содержащей анализ различных концепций, он по-прежнему определяется как «преобразование текста на одном языке в текст на другом языке при сохранении неизменным плана содержания, насколько это позволяет тождество или подобие системы значений»¹².

Несмотря на существование множества различных концепций перевода, можно выявить ряд базовых положений, которые будут общими для большинства из них. Во-первых, в качестве объекта перевода выбирается та или иная формальная единица исходного языка. Как видно из приведенных выше определений, основным объектом перевода обычно признается текст, однако непосредственно в процессе перевода объектом становятся единицы уровня слова, словосочетания или предложения. Концепции многих исследователей, выделяющих несколько уровней эквивалентности, в частности теория пяти уровней эквивалентности В.Н. Комисарова,¹³ подразумевают возможность сравнения единиц ниже уровня текста, в том числе слов двух языков.

Во-вторых, вслед за Ф. де Соссюром, представлявшим языковой знак как двустороннее психологическое единство, объединяющее понятие и звуковой образ, обозначаемое и обозначающее¹⁴, теория перевода признает наличие у языковой единицы плана выражения и плана содержания. Различия проявляются лишь в терминологическом плане: кто-то, например А.В.Федоров, говорит о том, что языковая единица, в частности текст, имеет свое содержание¹⁵, кто-то, в частности А. Нойберт, называет его значением¹⁶. Общим является представление о том, что значение принадлежит той или иной языковой единице, образует стабильное единство в сознании говорящего со звуковым или графическим образом этой единицы. М.Ларсон, например, прямо указывает, что значения (называемые ею понятиями – *concepts*) содержатся в словах¹⁷.

В-третьих, считается, что единицы разных языков, в том числе единицы разных грамматических уровней, могут иметь сходные или тождественные значения и на основе этого тождества или подобия значений вступать друг с другом в эквивалентные отноше-

ния. Тезис о возможности эквивалентных отношений как между разноязычными текстами в целом, так и входящими в них единицами является здесь основополагающим. Концепции различных исследователей отличаются в деталях и используемых терминах. В частности, разные исследователи говорят о разных видах эквивалентности. В современном переводе чаще всего выделяется семантическая эквивалентность или эквивалентность содержания и прагматическая эквивалентность или эквивалентность функций текстов (прагматического значения)¹⁸. Большинство исследователей подчеркивают важность достижения эквивалентности как содержания, так и функции текстов. Многие отечественные ученые вполне допускают возможность достижения так называемой полной эквивалентности, когда два текста эквивалентны не только по своему общему содержанию и функции, но и на уровне содержания входящих в них отдельных единиц, более того, такая эквивалентность объявляется тем идеалом, к которому должен стремиться переводчик¹⁹.

Между тем возможность существования эквивалентных, т. е. равнозначных, отношений между единицами разных языков вызывает большие сомнения. Как отмечал У. Беньямин, движение от языка вещей (реального мира с его сущностями) к языку человека – это не просто переход от немого языка к словесному. В этом процессе к языку вещей добавляются новые знания, включающие в себя суждения²⁰. Значение слова не сводится к его референции. Языки отличаются друг от друга способом обозначения объектов и сущностей, поэтому даже те слова двух языков, которые отсылают к одному и тому же объекту, имеют разные значения и соответственно не могут быть полными эквивалентами. Еще большим препятствием для существования эквивалентных отношений между единицами двух языков является то, что языки по-разному и избирательно отражают окружающую реальность. Те или иные сущности окружающего мира, репрезентированные в значении отдельных единиц одного языка, могут лишь частично репрезентироваться или совсем не репрезентироваться значением отдельных единиц другого языка.

Сказанное в полной мере относится не только к единицам языка, но и к единицам речи, с которыми, как отмечают многие исследователи, и имеет дело переводчик. Разграничивая языковое значение и значение единиц в конкретном контексте, одни теоретики перевода называют последнее содержанием²¹, другие – смыслом единицы²². Считается, что эквивалентные отношения устанавливаются именно на уровне содержания²³. Однако, несмотря на то, что содержание единицы обычно уже и конкретнее ее языкового значения, оно также редко сводится к простой референции, о чем свидетельствует, например, выделение И.С.Алексеевой четырех видов содержания. В их число, помимо денотативного содержания, входит также сигнификативное (связанное с культурными коннотациями), интерпретивное (с индивидуальной интерпретацией) и внутриязыковое²⁴. Как минимум три последних вида явно различаются от языка к языку, а значит, объем содержания единиц двух языков может не совпадать даже при наличии общего референта.

Применительно к переводу, где переводчик каждый раз имеет дело со смыслом, вызывает вопросы и сама идея о том, что значение или смысл содержатся в слове. Как пишет А.В.Зеленщиков, «слово в речи обладает значением, которое не может быть полностью тождественным его значению, определенному и закрепленному в системе языка. Смысл слова в речи *каждый раз оказывается новым*, произведенным *интерпретационной* деятельностью ...коммуникантов²⁵ (курсив наш. – А. М.). Говоря о том, что языковая единица имеет свой смысл, теория перевода игнорировала тот факт, что смысл на самом деле формируется в сознании переводчика-интерпретатора при восприятии текста и в формировании этого смысла участвуют не только текст, но и разнообразные знания переводчика.

Смысл, таким образом, представляет собой не постоянное и статичное свойство слова или текста, а динамическую ментальную сущность, формируемую в сознании переводчика в процессе его интерпретационной деятельности.

Важно отметить также, что элементы смысла, активируемые в сознании переводчика при его взаимодействии с исходным текстом, часто не имеют четкой корреляции с входящими в текст словами. Одно слово может активировать несколько квантов смысла, а целое сочетание слов – всего один. Более того, некоторые элементы смысла могут быть вообще «не видны» на поверхности предложения или текста, они активируются в сознании переводчика лишь благодаря имеющимся у него знаниям.

В целом следует сказать, что концепции перевода, где объектом перевода прямо или косвенно признается та или иная формальная единица, которая имеет свое значение и на основе этого значения может вступать в эквивалентные отношения с единицей языка перевода, представляются нам мало удовлетворительными. На наш взгляд, объектом перевода являются не языковые единицы, а те мыслительные сущности, которые активируются в сознании переводчика при его взаимодействии с текстом. В свете современной когнитивной лингвистики для обозначения мыслительных сущностей, дискретных единиц сознания (М.В.Никитин), которые латентно присутствуют в сознании переводчика еще до его соприкосновения с текстом и активируются в процессе перевода этого текста, представляется целесообразным использовать термин «концепт».

В настоящее время термин «концепт» широко применяется как зарубежными (Дж. Лакофф, Р. Джакендофф, А.Круз), так и отечественными лингвистами (М.В. Никитин, И.К. Архипов, Е.С. Кубрякова). По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это оперативная содержательная единица памяти и языка мозга²⁶. У А. Круза концепт определяется как организованный блок хранящихся в голове знаний, представляющих события, сущности, ситуации и другие аспекты нашего опыта²⁷. Обращает на себя внимание употребление в этих определениях таких понятий, как память и опыт. Тем самым подчеркивается, что концепты возникают в сознании в результате нашего опыта восприятия мира, обработки и структурирования информации, поступающей по сенсорным каналам от мира к сознанию, и дальнейшего сохранения в сознании информации о мире и самом себе в виде определенных структур знаний и оценок. Концепты, таким образом, это ментальные сущности, определенным образом структурированные кванты знаний о мире, которые сохраняются в памяти и используются при дальнейшем взаимодействии с миром. Важно подчеркнуть, что поскольку восприятие является результатом взаимодействия между внешним стимулом и когнитивными моделями в нашем сознании²⁸, структура знаний изначально отражает структуру восприятия и структуру мира²⁹.

В соответствии с такой точкой зрения на концепты, они независимы от языка и хотя наиболее важные концепты кодируются именно в языке, не все находят языковую объективацию³⁰. По словам М.В. Никитина, «вербально знаковая репрезентация и объективация не составляет неперемного условия для существования и функционирования концептуальных единиц и структур понятийного уровня»³¹. При этом, однако, в силу того, что представляет человека говорящего (*homo loquens*), язык непосредственно участвует в организации и структурировании концептов. Концепты организуются относительно слов и моделей языка, образуя достаточно устойчивые и привычные концептуальные структуры.

Следует подчеркнуть, что языковые концепты предполагают выбор из общего числа концептов и определенные ограничения, налагаемые на них, но качественно они составляют с ними единое целое³². Говоря о концепте слова, мы имеем в виду некую

структуру, набор концептов, которые с ним связаны и которые оно способно объективировать. Р. Лангейкер считает, что лексическая единица не имеет фиксированного значения, а дает доступ к неопределенному множеству концептов, и это происходит в зависимости от контекста³³. Для обозначения реально функционирующей и обладающей внутренней организацией совокупной структуры концептов Дж. Лакофф предлагает понятие концептуальной системы³⁴. Способ использования и организации концептов определяет такую систему.

Два языка, с которыми переводчик имеет дело в процессе перевода, репрезентируют две различные концептуальные системы, по-разному организующие концепты. Однако эти различия не являются непреодолимыми. Во-первых, общая концепция человека шире языковой концепции, т. е. отсутствие некоего концепта в организуемой определенным языком концептуальной системе не означает, что его нет в сознании носителя этого языка или что он не может его представить. Это было наглядно продемонстрировано Э. Рош на примере цветоименований и У. Эко на примере терминов родства в итальянском³⁵. Во-вторых, связи между концептами, возникающие в рамках определенной концептуальной системы, являются устойчивыми, но не жестко фиксированными. Люди, даже говорящие на разных языках, обладают схожими когнитивными моделями и структурами восприятия, что позволяет им понять не привычные для них структуры концептов. В этой связи Дж. Лакофф говорит об одинаковых способностях концептуализации, которые есть у всех людей, вне зависимости от языка, на котором они говорят³⁶.

Перевод, по мнению В. Бенъямина, выявляет глубинные взаимные отношения между языками. «Языки не являются чужими друг другу, они *a priori* и независимо от всех исторических отношений связаны друг с другом в том, что они хотят выразить»³⁷. Как указывает В. Бенъямин, родство языков заключается в интенции (*intention*), которая лежит в основе всего языка как целого. Интенция языка подразумевает «намерение», «стремление» языка максимально выразить общую интенцию человека, т. е. всю совокупность потенциально доступных человеку концептов. Это потенциал языка в плане выражения концептов. Несмотря на то, что все индивидуальные элементы разных языков – слова, предложения и структуры – взаимно исключают друг друга, языки в целом соприкасаются друг с другом своими интенциями, намерением выразить мысль, хотя каждый делает это по-своему³⁸.

Развивая взгляды В. Бенъямина, Ж. Деррида говорил о переводе не как о копировании или воспроизведении исходного текста, а как о том, что обеспечивает его возрождение и выживание. Перевод сравнивается с ребенком, который не является просто продуктом воспроизведения, а имеет способность самостоятельно говорить. При переводе языки сходятся на короткий миг и снова расходятся. Перевод снимает с мысли ее формальную конструкцию и возвращает нас к той точке, когда сущность еще не получила наименования³⁹. Продолжая мысль Ж. Дерриды, можно сказать, что в процессе перевода переводчик, опираясь на свои структуры знаний, в том числе на знания о том, как исходный язык реализует свою интенцию, активирует в сознании некий набор концептов и затем исследует возможности системы языка перевода в плане объективации этих концептов.

Таким образом, объектом сопоставления в переводе, очевидно, являются интенции, концептуальные системы двух языков в своей совокупности. Основное же ограничение перевода связано с тем, что интенция каждого отдельного языка уже общей интенции человека. В. Бенъямин считал, что общая интенция реализуется лишь всей суммой интенций языков, дополняющих друг друга, так называемым чистым языком (*Reine Sprache*)⁴⁰.

Если же говорить непосредственно о процессе перевода, то нельзя не согласиться с мнением Л.А. Черняховской, отмечавшей, что попытки поиска языковых единиц перевода оказываются нелепыми, так как даже одно слово исходного текста может содержать весьма разнородную информацию. По ее мнению, объектом перевода должны быть не те или иные знаки языка, а качественно разнообразная эксплицитная и имплицитная информация исходного текста⁴¹. Мы не можем говорить о том, что при переводе переводчик должен верно и полно передать содержание исходного текста или что текст перевода должен, насколько возможно, соответствовать исходному тексту, поскольку сам исходный текст и входящие в него слова следует рассматривать не как застывший источник содержания, а лишь как определенный способ, один из возможных способов объективации некоего набора концептов.

Информация исходного текста – это информация о том, какие концепты объективированы посредством этого текста его автором. Иначе говоря, переводчик при восприятии исходного текста ведет своеобразный диалог с его автором и, опираясь на общие знания языка, пытается понять тот смысл, который автор хотел передать посредством текста. При взаимодействии переводчика с исходным текстом языковые единицы воспринимаются сознанием как набор графических или акустических образов, которые активируют концепты в сознании благодаря имеющимся там знаниям о связях этих единиц с концептами в рамках общей концепции или интенции исходного языка, а также с другими знаниями, в частности фоновым и знанием контекста. Иными словами, исходный текст не обладает переносимым в другой текст значением, но обладает концепто-активирующим потенциалом. Концепт следует признать непосредственным объектом перевода. Он сначала освобождается от формальной оболочки исходного языка, а затем выражается средствами языка перевода. Несопоставимые в отношении своих отдельных формальных единиц языки в процессе перевода сопоставляются с точки зрения их способности объективировать те или иные концепты.

Что касается переводимости, то она в конечном счете определяется способностью системы языка перевода репрезентировать в определенном контексте некую конфигурацию концептов, активируемую в сознании исходным текстом. Перевод оказывается успешным (но не эквивалентным), если переводчику удалось, опираясь на свои знания и способности, максимально использовать возможности языка перевода в плане репрезентации определенных структур концептов.

¹ Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика. СПб., 2000; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.

² Neubert A. & Shreve G.M. Translation as text. London, 1993.

³ Ibid. P.1

⁴ Venuti L. The translator's invisibility. London, 1995.

⁵ Humboldt W. The introduction to the translation of Agamemnon // Theories of Translation / Ed. by R.Schulte & J.Biguenet. Chicago; London, 1992. P. 55.

⁶ Ibid. P.56

⁷ Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М., 2006. С.116–120.

⁸ Humboldt W. Op.cit. P. 55.

⁹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1968. С. 151.

¹⁰ Catford J.C. A linguistic theory of translation. London, 1965. P. 1.

¹¹ House J. Translation quality assessment: a model revisited. T., 1997. P. 31.

- ¹² Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М., 2004. С. 131.
- ¹³ Комиссаров В.Н. Теория перевода. М., 1990. С. 51–92.
- ¹⁴ Saussure F., de. Course in general linguistics. Fontana/Collins, 1974. P. 66–67.
- ¹⁵ Федоров А.В. Указ.соч.
- ¹⁶ Neubert A. & Shreve G.M. Op.cit.
- ¹⁷ Larson M.L. Meaning-based translation. A guide to cross-language equivalence. New York; Oxford, 1998. P. 60.
- ¹⁸ House J. Op.cit.
- ¹⁹ Комиссаров В.Н. Указ. соч.; Сдобников В.В., Петрова О.В. Указ. соч.
- ²⁰ Benjamin W. The task of the translator, 1992. P. 75.
- ²¹ Алексеева И.С. Указ.соч. С. 135.
- ²² Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С.117.
- ²³ Алексеева И.С. Указ. соч.
- ²⁴ Там же. С. 136–137.
- ²⁵ Зеленичиков А.В. Монолог о монологе // Риторика монолога / Под. ред. А.В. Варшавской. СПб., 2002. С. 19.
- ²⁶ Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 90.
- ²⁷ Cruse A. Meaning in language. An introduction to semantics and pragmatics. Oxford, 2004. P. 125.
- ²⁸ Jackendoff R. Semantics and cognition. London; Cambridge, 1985. P. 24.
- ²⁹ Rosch E. On the internal structure of perceptual and semantic categories // Cognitive Development and the Acquisition of Language / Ed. by T.E.Moore. London; New York, 1973. P. 111–144.
- ³⁰ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 92.
- ³¹ Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003. С. 280.
- ³² Talmy L. Toward a cognitive semantics. Vol.2: Typology and process in concept structuring. Cambridge, 2001. P. 4.
- ³³ Langacker R. W. Grammar and conceptualization. Berlin; New York, 1999. P. 6.
- ³⁴ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. 2004. С. 413.
- ³⁵ Rosch E. Op.cit.; Eco U. Mouse or rat. Translation as negotiation. London, 2003.
- ³⁶ Лакофф Дж. Указ. соч.
- ³⁷ Benjamin W. Op.cit. P. 74.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ Derrida J. Writing and difference. London, 1995.
- ⁴⁰ Benjamin W. Op.cit. P. 75.
- ⁴¹ Черняховская Л.А. Существует ли единица перевода? // Теория и практика перевода. Вып.295. М., 1987. С.27–29.

Статья принята к печати 26 февраля 2007 г.